

Утопия многообразного мира: как продолжается история

Олег Барабанов, Тимофей Бордачёв,
Ярослав Лисоволик, Фёдор Лукьянов,
Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-15-1

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор МГИМО МИД России, профессор РАН

Бордачёв Тимофей Вячеславович

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Лисоволик Ярослав Дмитриевич

Доктор экономических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», член Бреттон-Вудского комитета

Лукиянов Фёдор Александрович

Руководитель авторского коллектива, директор по научной работе Фонда клуба «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, профессор-исследователь НИУ ВШЭ

Сушенцов Андрей Андреевич

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Института международных исследований МГИМО МИД России

Тимофеев Иван Николаевич

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор программ Российского совета по международным делам

Содержание

- 3 Введение
- 6 Сто лет пути к демократии и ответственности
Выступление Генерального секретаря ООН Ган Тван Энга
на торжественном заседании
Генеральной ассамблеи Организации Объединённых Наций
Найроби, 23 сентября 2045 года
- 10 Утопия против идеологии
- 12 Революция без революционеров
- 13 Всё, кроме институтов
- 14 Индивидуализм, рационализм и ответственность
- 16 Корпорации как общее благо
- 18 Мозаика будущего
- 19 Из интервью Эдварда Слоудена,
профессора кафедры международной безопасности
трансамериканского университета
Reconstruccion (г. Каракас)
Газета Nagens Dyheter (Стокгольм), 22 октября 2045 года

Введение

Умный тот, кто нарушает правила и всё-таки остаётся жив...
Если соблюдаешь мелкие правила, можно нарушать большие.

Джордж Оруэлл. 1984

Разумеется, это непохоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда – смешно сказать – даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно неучитываемых случайностях, вслепую – что может быть бессмысленней? И вот всё же, оказывается, нужны были века, чтобы понять это.

Евгений Замятин. Мы

Может ли мир – огромный, глобальный, многообразный и взаимосвязанный – в одночасье замереть, парализованный общим страхом? Затормозить своё движение, спешно задраивая окна и двери? До весны 2020 года ответ был отрицательным. Представить себе замирание международной жизни, бурное, неостановимое кипение которой мы воспринимали как данность, казалось невозможным. Но это произошло. Планета закрылась на карантин, потрясённая собственной уязвимостью, лёгкостью отчуждения и ощущением цельности одновременно.

Пандемия *COVID-19* не перевернула мироздание. Эрозия международных правил и институтов, которые были созданы во второй половине прошлого века и, слегка видоизменившись, сохранились после холодной войны, началась с наступлением XXI столетия. Всемирное шествие коронавируса лишь стимулировало процессы, возникшие до его появления, подхлестнуло эволюцию, но не привнесло в неё чего-либо принципиально нового. Однако из-за масштаба и шокирующего воздействия на привычные общественно-политические отношения пандемия подвела символическую черту под существованием одного мирового порядка и стала началом другого.

Современную международную политику обычно характеризуют так: механизмы предыдущей системы больше не действуют, воцаряется опасный хаотичный мир без правил. Действительно, до 2020 года было правомерно говорить о наступлении анархии, скольжении

международной среды к состоянию хаоса. Об этом не раз упоминал и Валдайский клуб в материалах 2014–2019 годов¹. «Осыпавшийся мир», который мы описывали в докладах 2018 и 2020 годов², на наших глазах превратился из метафоры в осязаемую реальность.

Но хаос в социальных системах не бывает перманентным. Это лишь переходный период к иному обустройству. Всякий порядок заканчивается, а его завершение неизбежно порождает новые формы международного взаимодействия. Осыпание предыдущего без паузы переходит в формирование и становление нового. Возможно, пандемия ускорила ход событий: за месяцы случилось то, на что иначе потребовались бы годы.

Наиболее значимым в 2020 году стало небывалое повсеместное закрытие границ – символ порыва к максимальной суверенизации. Замыкание в пределах национальных юрисдикций имело целью заслониться от проблемы, имеющей транснациональный характер, и одновременно означало растерянность перед вызовом, который пандемия бросила национальным системам здравоохранения и безопасности вообще. Закрытие границ и невозможность прямого общения привели, причём повсеместно – от государственного управления до образования и науки, – к невиданному расцвету информационно-коммуникационных технологий.

Пандемия катализировала явление, которое больше всего пугает наблюдателей: распад коллективов и обособление индивидуумов. Дисфункция институтов в разгар коронавируса стала очевидной для широких масс. Это толкает людей и государства к большей самостоятельности при принятии решений, осознанию ответственности за собственное выживание.

В социальном и экономическом поведении происходит индивидуализация траекторий развития. Большее разнообразие выбора характерно для разных сфер – образования, форм

¹ Лукьянов Ф. А., Крестев И. Новые правила или игра без правил? // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2014. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/novye-pravila-ili-igra-bez-pravil/>

Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лукьянов Ф. А., Суслов Д. В., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Война и мир XXI века. Международная стабильность и баланс нового типа // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/voyna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-/>

Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Суслов Д. В., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Как важно быть серьёзным: мир на грани непоправимого // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/kak-vazhno-byt-seryeznyy/>

Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Время взрослеть, или Оправдание анархии // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/vremya-vzroslet-ezhegodnyy-doklad/>

Тимофеев И. Н. Новая анархия? Сценарии динамики мирового порядка // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/novaya-anarkhiya/>

² Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Жизнь в осыпавшемся мире // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/>

Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Не одичать в «осыпавшемся мире» // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osypayushchemsya-mire/>

занятости, того, что касается времени начала и завершения работы, характера трудоустройства. Организуемая на низовом уровне взаимопомощь превращается в реальную стратегию по решению насущных проблем. Это актуально для локальных явлений (например, совместные действия участников гражданских протестов, медицинское и логистическое взаимодействие во время пандемии) и в глобальном масштабе (кампании по экологическим проектам и справедливому перераспределению). Люди ищут ответы не в рамках формального коллектива (института), а через единомышленников, объединение людей по конкретным интересам. Этому способствует и феномен социальных сетей.

Переживают упадок партийные системы. Даже партии «нового типа» (так называемые популисты, находившиеся на подъёме ещё несколько лет назад) теряют динамику, поскольку остаются прежними по своей природе политическими институтами. Классически организованные партии утрачивают эффективность для политической репрезентации и всё больше заменяются внешне аморфными гражданскими движениями без чётких идеологических установок, подходом на первый взгляд анархичным, но направленным на решение одной конкретной проблемы. Именно они в нарастающей степени определяют политическую повестку.

На мировую арену выходит новое поколение лидеров, и вообще – новое поколение. Всё более определяющую роль в политике будут играть те, кто вырос в эпоху, которую часто называют «постгероической». Конечно, большие риски и угрозы, вплоть до военных, никто не отменял и не отменит, но главное стремление нового поколения – реализация возможностей и расширение «зоны комфорта» во всех смыслах этого выражения. Это не может не сказаться на атмосфере международной политики.

Процессы, происходящие на уровне общественных организмов, определяют и поведение государств на международном уровне. Популярность эоактивистки Греты Тунберг и общественная реакция на пандемию оттеняют неповоротливость и политическую ангажированность бюрократии. Глобальное общество начинает формировать настоящую (и поэтому пугающую) альтернативу. Она структурно аморфна, анархична и атомизирована по своей природе, потому больше соответствует сегодняшним реалиям, вызывает отклик.

Государства столкнулись на международном уровне с теми же проблемами, что и граждане – на национальном. В результате люди и страны всё меньше ориентируются на институциональные алгоритмы и всё больше полагаются на собственный интерес, пусть часто сиюминутный и ошибочный. Отсюда «волатильность» и импульсивность международной жизни. Примета времени – неопределённость, и авторы не рискнули предсказывать, как мировая система будет организована через пять или пятнадцать лет. Мы решили обратиться к жанру утопии, описанию воображаемого идеального мира, каким он мог бы быть, если бы имеющие место тенденции удалось обернуть во благо человечества.

Мы сознательно уходим от панических ожиданий, которые сейчас преобладают, поскольку полагаем: всякий крупный кризис – это возможность начать новую главу истории. Возможно, более продуктивную и многообещающую, чем то, от чего мы уходим.

Сто лет пути к демократии и ответственности

Выступление Генерального секретаря ООН Ган Тван Энга
на торжественном заседании
Генеральной ассамблеи Организации Объединённых Наций
Найроби, 23 сентября 2045 года

*Высокопочтимые представители государств –
членов Организации Объединённых Наций!*

Уважаемые дамы и господа!

Дорогие друзья!

Безмерно счастлив приветствовать вас здесь, в стенах африканской штаб-квартиры ООН, на заседании, посвящённом столетней годовщине организации, которая нас всех объединяет. Радостное чувство вызывает тот факт, что мы собрались здесь воочию, съехавшись со всего мира, для того, чтобы лично засвидетельствовать уважение к Объединённым Нациям.

В последние десятилетия мы отвыкли от подобного общения. Технологии позволяют нам обеспечить любую форму коммуникации, создать максимальный эффект присутствия, не сходя с места. Но всё же и теперь, как и сто лет назад, ничто не заменит прямой человеческий контакт. Именно благодаря ему сто лет назад, в то тяжёлое время, когда только закончилась Вторая мировая война, основатели ООН сумели договориться о принципах международного устройства и сохранения мира.

За сто лет Объединённые Нации пережили многое. Сорок лет холодной войны, когда биполярная конфронтация временами приближалась к порогу ядерного конфликта. Кардинальные изменения политической карты мира, возникновение множества новых государств, прежде

всего на континенте, где мы сейчас находимся. Избавление огромного количества жителей Земли от колониального гнёта – событие, которое стало одним из самых значимых в истории человечества и предопределило дух грядущей эпохи демократии и равноправия.

После окончания холодной войны эйфория, связанная с прекращением конфронтации, сменилась тревогой за судьбу ООН. На рубеже XX и XXI веков, впервые в истории Объединённых Наций, возникла опасность, что всемирная структура окажется на обочине мировой политики, а наиболее сильные державы, уверенные в своей абсолютной правоте, попросту будут её игнорировать. Однако те, кто попытался обойтись без ООН и вершить судьбы по собственному усмотрению, столкнулись с вызовами, к которым были не готовы. Им пришлось вернуться в организацию и просить содействия в решении созданных ими же проблем.

Пожалуй, самым тяжёлым временем стала первая половина двадцатых годов. Уже в 2010-е ООН приходилось работать в состоянии стресса. Обострение социально-экономических проблем внутри государств превращало международную политику в заложницу внутренней ситуации. Совет Безопасности регулярно парализовали конфликты постоянных членов. Большинство других стран, представленных в Генеральной ассамблее, всё чаще выражало недовольство тем, что державы, обладающие привилегиями,

погрязли в выяснении отношений, не забываются об общем благе.

Вехой оказалась пандемия COVID-19, охватившая планету двадцать пять лет назад и ставшая первой из череды бедствий всеобъемлющего характера. Сейчас, пережив несколько всплесков различных новых вирусов, мы научились управлять подобными вызовами, накопили опыт, как минимизировать хозяйственный урон и риски для человеческих жизней. Но тогда глобальная пандемия, парализовавшая политику и экономику на несколько месяцев, стала шоком. Целостность мира нарушилась. Мобильность сошла на нет. Под разговоры о необходимости совместных действий расцвёл национальный эгоизм. Каждая страна стремилась не просто защитить себя, но и по возможности переложить издержки на других. Фрагментация мира, начавшаяся до того, приняла обвальный характер. Заговорили о крушении международных институтов, наступлении хаоса, чреватого потрясениями, вплоть до большой войны. Под вопросом оказалась великая миссия Организации Объединённых Наций как структуры, созданной для того, чтобы никогда впредь не допустить мирового конфликта.

Пандемия и её последствия обострили ощущение неопределённости, невозможности планирования даже на короткую перспективу. Всё это питало чувство безнадёжности и страха перед будущим, отравляло и без того сгущавшуюся международную атмосферу. Некоторые в этом зале, наши старожилы, наверняка помнят тревогу, с которой ООН встречала своё 75-летие.

Позволю себе личное отступление. В начале 2020-х годов я, в ту пору ещё относительно молодой руководитель неправительственной организации у себя на родине, в Малайзии, был занят важным проектом. Мы пытались привлечь к ответственности крупную международную фармацевтическую компанию, которая использовала недобросовестные методы

конкуренции и обманывала людей, пользуясь тем, что многие из них в отчаянии искали средства от болезни. Тогда у нас ничего не получилось. Наши оппоненты задействовали весь свой финансовый и лоббистский ресурс, не гнушаясь криминальными методами, чтобы нейтрализовать критиков. Я и мои товарищи были в глубокой депрессии. Казалось, мир безнадежно отравлен цинизмом, неуёмным потреблением и жадной наживы. Политики, предприниматели, даже наши же коллеги – представители гражданского общества как будто бы забыли о таком понятии, как совесть. А разговоры о ценностях превратились в демагогическое прикрытие хищнического поведения и жадности, замаскированных моральным релятивизмом и жонглированием полуправдой...

К счастью, переломные времена способны порождать лидеров, обладающих энергией, видением и волей к его воплощению. С середины 2020-х годов, когда казалось, что мир катится в пропасть, на международную арену вышло новое поколение глав государств, политических и общественных деятелей. Воспитанные и ставшие профессионалами уже в XXI веке, они сделали то, на что не могли решиться их предшественники. Они не стали тратить время и силы на попытки реанимировать институты, терявшие дееспособность из-за быстрого изменения обстановки. Наступило осознание, что для возрождения духа ООН не нужно держаться за букву, написанную в первой половине минувшего столетия. А в центре всего должно быть чёткое понимание, что такое добро и зло. И это стало началом новой мировой политики.

Величие отцов-основателей Организации Объединённых Наций заключалось в том, что созданная ими структура гениально отразила реалии своего времени и предвосхитила целую эпоху. Но в ней же была заложена и универсальная основа для трансформации – базовые принципы: равенство суверенных

государств; невмешательство в их внутренние дела; право народов самим определять свою судьбу и отвечать за неё; отказ от применения силы или угрозы силой; политическое и дипломатическое урегулирование споров. Именно защита этих принципов и была сущностью ООН. Институциональное же оформление деятельности могло и должно было меняться. Институты теряют смысл, если их перестают воспринимать как справедливые и отвечающие высоким моральным стандартам. И международное сообщество вовремя ощутило необходимость изменений.

Я рад видеть в этом зале наших уважаемых коллег – членов Высшего этического арбитража Организации Объединённых Наций. Нашу структуру всегда отличало многообразие, но на протяжении длительного времени всё-таки доминировала идея универсализма, необходимости признания определённого набора ценностных понятий, считавшихся неоспоримыми. Фрагментация мира заставила признать, что ценностный и этический плюрализм – не только данность, но и благо. Взаимопонимания можно достигнуть только посредством сочетания разных мировоззрений и этических систем. Получилось не сразу, но в конце концов нам удалось собрать самых авторитетных «арбитров» от разных культур, слово которых значимо, призыв – действенен, а мнения – равноправны. Это всегда, если так можно сказать, состязательный процесс. И только так – из диалога культур – рождается не императивный универсализм, а гармония, основанная на взаимном признании.

Вот уже почти двадцать лет работа ООН организована иначе, чем это было в первые десятилетия её существования. Почему потребовались перемены? Потому что главная международная организация не имела права игнорировать основную тенденцию международной жизни: быстрый рост запроса на демократичность.

Все мировые порядки прошлого строились по одной модели: сильные определяли ход событий, указывая менее сильным, как действовать. Иногда это работало эффективно, иногда нет. Однако схема функционировала в иерархическом мире, каковым он, собственно, всегда и был. XXI век стал временем размывания и исчезновения иерархий – и в обществах, и на международной арене. Технологические, социальные, политические изменения расширили возможности людей, сообществ и государств, все они обрели намного более широкую свободу действий и пространство выбора. Всего два десятилетия назад расширение этих возможностей вызывало опасения. Но теперь мы не боимся, потому что знаем, что новое естественным образом пришло на смену прежнему и оно отражает фундаментальные процессы международного и социального развития. Мировая среда приобрела гораздо более плюралистический и демократический характер.

Деградация институтов в первые десятилетия нашего века побудила всерьёз задуматься о способах обеспечения безопасности в мире, где власть не сконцентрирована в чьих-то руках. Если нет жёстких институтов, а союзы, как мы неоднократно видели, возникают на временной основе для решения конкретных вопросов, каждый полагается на себя. Всеобщий эгоизм? Кто сильный, тот и прав? Так и было бы, если бы лидеры нового поколения не осознали, насколько опасным и тупиковым станет такой путь.

Наступило время равновесия разумной достаточности, когда каждому достаётся меньше, чем он мог бы рассчитывать в случае установления своей гегемонии, но столько, сколько нужно для внутренней социальной стабильности. Логика всеобщего рационального самоограничения полностью совпала с переосмыслением приоритетов, связанных с экологическими, климатическими, демографическими

проблемами Земли. Режим безудержного потребления сменился философией сбережения – и на международном уровне, и в отдельных обществах. Борьба за ресурсы продолжается, но каждый знает, что не может добиться полного контроля, монополии, да она и не нужна. Государства пользуются своей свободой, отдавая себе отчёт в том, что она ограничена возможностями остальных, любое действие должно соотноситься с интересами других.

Крупному государству не нужно подчинять себе малые, поскольку поведение последних разумно и предсказуемо. А малые государства не попадают в полную зависимость от кого-то из сильных, потому что у них появился целый спектр внешних источников развития и реализации своих интересов. Двадцать пять лет назад все говорили о неизбежности конфронтации Китая и Соединённых Штатов и о том, что в этом противостоянии должен быть победитель. Но в новой международной атмосфере всё, к счастью, иначе. Китай не заменит собой США, а они не уничтожат Китай, как когда-то Советский Союз. Даже таким гигантским соперникам, которые в прежние времена неизбежно схлестнулись бы за мировое господство, пришлось договариваться. И сегодня мы являемся свидетелями цивилизованной конкуренции, плодами которой могут пользоваться и остальные. Обычные граждане довольны своим уровнем жизни, но не стремятся к сверхпотреблению.

Организация Объединённых Наций сильна сочетанием преемственности и новаторства, именно поэтому она не только выжила в эпоху упадка институтов, но и стала более устойчивой. Преемственность – это Совет Безопасности, за которым сохраняется главная функция: избежание столкновения крупнейших и «непобедимых» держав. «Атомный мировой порядок», о котором сто лет назад писал Джордж

Оруэлл, продолжает служить гарантией от мировой войны. Новаторство – глубокое реформирование профильных агентств для повышения их гибкости и эффективности, которое проведено в начале тридцатых годов, и децентрализация деятельности ООН.

Символично, что юбилей мы отмечаем здесь, в Африке, в одной из региональных штаб-квартир организации. Напомню, что она была открыта двадцать лет назад, чтобы не допустить чрезмерного влияния одной страны-хозяйки на деятельность главной международной структуры.

Также хочется отметить, что в последние десятилетия качественно возросла роль мирового гражданского общества. По многим вопросам, касающимся всех, оно проявило себя более действенным, чем государства, которые по определению прежде всего сосредоточены на соблюдении собственных интересов. Мне как выходцу из так называемого «третьего сектора» особенно приятно здесь об этом сказать.

Мы не просто прошли сквозь потрясения и кризисы. Мы пережили смену парадигмы международного развития. Ещё двадцать лет назад глобальный катаклизм казался почти неизбежным. Но мудрость взяла верх. И современная мировая система, хотя она и не опирается на институты, которые функционировали в XX веке, оказалась не менее, а даже более устойчива. Демократия повышает ответственность. Права неразрывно связаны с обязанностями. Государства проявляют гораздо большую сознательность, чем от них ждали. Уверен, что ещё через сто лет наши потомки, отмечая 200-летие ООН, смогут сказать то же, что говорили основатели сто лет назад и что мы говорим сегодня: Объединённые Нации являются фундаментом международного общества и останутся таковым навсегда.

Дорогие друзья, спасибо за внимание!

Утопия против идеологии

Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать их окончательного осуществления... Утопии осуществимы... Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее «совершенному» и более свободному обществу.

Николай Бердяев. Демократия, социализм и теократия

Утопия, картина желаемого (или нежеланного в случае антиутопии) общественного устройства, – жанр, известный с Античности. Цель его – не описать будущее, а обозначить ориентир, к которому следует стремиться.

Почему мы полагаем, что тема новой утопии актуальна? Налицо исчерпание международной повестки. Это не текущий кризис роста и развития, которые случаются периодически, а исчезновение осмысленной и признаваемой всеми системы координат. Можно пытаться подлатать осыпавшуюся реальность, манипулируя искусственными концептами, потерявшими живость идеологиями и обветшавшими институтами. Но эта попытка отсрочки только усугубляет положение вещей, делает происходящий слом ещё более драматичным.

Мы ещё живём в тени XX столетия. Оно прошло в непримиримой борьбе мощных доктрин, которые из утопий превращались в идеологии, чтобы затем вновь стать утопиями. Такие системообразующие доктрины, как социализм или либерализм, не замыкались в национальных границах, претендуя на глобальный охват. С окончанием холодной войны век идейной борьбы, казалось, закончился. Мир взял паузу, переводя дух от клочкотания прошедшей эпохи. Перемена заканчивается. Новые «ревущие двадцатые» возвращают идеологию и утопию на сцену мировой политики. Наследие затишья, возникшего после крушения СССР, создаёт иллюзию господства идеологии без внятных утопических альтернатив. Но это видимость. Структурное противоречие рано или поздно прорастает сквозь асфальт даже самой стройной идеологической системы. А такой сейчас, заметим, уже и нет.

В терминах Карла Мангейма, идеология – система взглядов «правлящих групп», тогда как утопия – отрицание этих взглядов и самой действительности, руководство к действию по её слову³. И «правлящие группы», и «революционеры» воспринимают реальность искажённо. Правящие игнорируют факты, способные подорвать их господство. Претенденты видят только то, что направлено на отрицание статус-кво. Особенность момента состоит в обостряющемся конфликте между идеологией и утопией.

Где можно интуитивно почувствовать новую утопию? Например, на улицах охваченных протестом американских городов. Она вырисовывается в падающих памятниках. В переименовании улиц и станций метро. В повсеместном «покаянии», которое не влияет на аппетиты протеста пассионарной массы «униженных и оскорблённых». В страстных призывах климатических активистов, которые внезапно оказываются мировым лейтмотивом. И так далее.

³ Mannheim K. *Ideologie und Utopie*, 1929.

Основная драма впереди. Рано или поздно (вероятно, уже довольно скоро) демократическим путём к власти придут люди с иной системой координат. И со своей утопией (антиутопией) в голове. Новый утопический проект поставит под сомнение мнимую рациональность либеральных политических и экономических систем, но не станет и воспроизведением социалистических представлений о сущем. Проблема даже не в конкретной несправедливости, а в ощущении моральной несостоятельности существующих политических моделей. Они научились выживать и решать проблемы при помощи набора инструментов – от коммуникационного диктата и управленческих технологий до мобилизации ресурсов на конкретном направлении. Но это только подчёркивает выхолащивание этической стороны политики. И международная ситуация – яркий тому пример.

Утопия демократической международной политики XXI века основана на необходимости достичь гармонии умеренности, когда никто не может получить всё. В рамках такой утопии должна разрешиться центральная проблема международных отношений, сформулированная Джоном Миршаймером: «Великие державы всегда ищут, как обрести власть над своими соперниками, а их конечной целью является гегемония»⁴. Если гегемония более невозможна (а мы полагаем, что современный мир убедительно это продемонстрировал), стремление к ней перестает быть рациональным. «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы⁵ пообещал международной политике наступление антиутопии. Победа идеологии, у которой «не осталось никаких жизнеспособных альтернатив», означала бы завершение эволюции вследствие универсализации и окончательного утверждения либеральной идеи. Роберт Кейган в работе «Возвращение истории»⁶ предположил, что международная политика становится ареной ещё одного раунда битвы либеральной идеологии и авторитаризма, поскольку Фукуяма ошибся и либерализм «победил не до конца» (хотя должен победить). Дискуссии о «новой холодной войне» есть развитие этой идеи.

Утопия, о которой мы говорим сейчас, – не «конец» и не «возвращение» истории. Это её естественное продолжение. Даже самым сильным державам не удаётся добиться доминирования одной силы и господства одной этической системы. Такое доминирование и господство в принципе уже невозможны – ни для кого. Продолжение истории – следующий этап мирового развития, в основе которого многообразие. Никогда прежде у международной политики не было такого количества самостоятельных национальных источников этических представлений, интересов и возможностей разными способами их реализовывать. То, что победа недостижима, лишает борьбу рационального смысла, а богатство индивидуального выбора не позволяет говорить о монополии. Международная политика усложняется, но продолжается на более справедливых, чем когда бы то ни было, принципах.

Почему мы считаем, что такая утопия возможна? Происходящее в мире создаёт для этого предпосылки.

⁴ Mearsheimer John J. *The Tragedy of Great Power Politics*, 2001.

⁵ Fukuyama Y. F. *The End of History and the Last Man*, 1992.

⁶ Kagan R. *The Return of History and the End of Dreams*. N. Y., 2008.

Революция без революционеров

Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. Они даже особенно не одобряют другие народы за то, что им представляются недостаточными бесчисленные томы законов и толкователей на них. Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими законами, численность которых превосходит возможность их прочтения или темнота – доступность понимания для всякого.

Томас Мор. Утопия

В рамках пока действующей системы координат завершение мирового порядка, унаследованного от XX века, воспринимается как нечто, близкое к катастрофе. Это объяснимо.

Совокупность международных институтов, созданных после Второй мировой войны, представляла собой продуманную и стройную конструкцию, в некотором смысле – венец усилий по созданию надёжной и устойчивой модели мировой безопасности и развития, которые предпринимались на протяжении нескольких столетий. Ядерное сдерживание, безусловно, иерархическая и гегемонистская международная практика, но единственный действенный ограничитель, позволявший и позволяющий избежать сползания в опасную для международной безопасности анархию. «Атомный мировой порядок» (или оруэлловская «холодная война»⁷), возникший после создания ядерного оружия, сделал большую войну нерациональной. Это обстоятельство блокирует революционное поведение держав, теоретически способных развязать такую войну ради обретения решающих преимуществ. Все становятся ревизионистами – пытаются в силу возможностей изменить то, как применяются правила, но не добиться установления принципиально новых.

Мы вступили в политический цикл, характеристикой которого является распыление власти в мире. Нарастает стратегическая конкуренция ведущих держав, каждая из которых в погоне за властью наращивает военные арсеналы и потенциально умножает конфликты. Но в совокупности это приводит к формированию систем сдерживания между ними, которые, в свою очередь, препятствуют эскалации. Полицентричная мировая система опирается на силовое равновесие в разных регионах. Процесс не завершён, налицо множась неопределённости на фоне «осыпания» прежней конструкции. Однако стресс-тесты последних лет – украинская коллизия, российско-турецкое обострение, удары США по Сирии и убийство высокопоставленного иранского генерала, ирано-саудовское противостояние, наконец американо-китайский, китайско-индийский и индо-пакистанский кризисы – демонстрируют, что мир не стоит на грани войны.

Причина в многомерной взаимосвязанности стран, но также в том, что система соответствует интересам большинства ведущих держав, никто не стремится изменить её кардинально. И хотя недовольство перекосами и растущей

⁷ Orwell G. *You and the Atomic Bomb* // *Tribune*. London, 1945. URL: https://www.orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb

несправедливостью стало накапливаться давно, к радикальному изменению правил не готова ни одна из великих держав. Ведущие мировые игроки настроены на их коррекцию, а не на кардинальный пересмотр или тем более разрушение, замену на другие.

Но революция в международных делах происходит в отсутствие революционеров. У неё нет конкретных инициаторов (государства или группы государств), причины носят структурный характер. Ни одна из держав (блоков) не может добиться глобального лидерства, отсутствует универсальная система ценностей, происходит деградация институтов и управления. Формируется среда без устойчивых полюсов физической или этической силы. И эти изменения революционны в гораздо большей степени, чем переход лидерства от одного государства к другому, как неоднократно было в истории.

Всё, кроме институтов

Победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности – мог попать справедливость.

Никколо Макиавелли. Государь

Если отвлечься от восприятия, укоренившегося за несколько десятилетий, демонтаж и смена привычной модели, кризис институтов – не трагедия, а возможность избавиться от накопившихся обременений, из-за которых институты перестали работать. Более того, преодолевая инерцию мышления, необходимо задуматься и о том, что в принципиально изменившихся международных условиях сами институты (многие из них) становятся не гарантией мировой стабильности и управляемости, а помехой выстраиванию системы отношений, соответствующих наступившей эпохе. Как писал в классической работе о разных подходах к институтам американский политолог Роберт Кеохейн, «анализ международного сотрудничества не надо путать с восхищением самим этим явлением»⁸.

На международном уровне усугубляется атомизация. Государства оказываются один на один с внешним миром. И вынуждены выстраивать стратегическую линию самостоятельно, опираясь лишь на собственное понимание процессов и политическую интуицию. Это означает переосмысление средне- и долгосрочных стратегий. Естественно, впереди время проб и ошибок. Однако стремление действовать в прежнем ключе – следовать в чьём-то фарватере – несёт ещё больший риск. Ведь институты, как сказано выше, проседают, а лидеры обращаются к максимально эгоистическому поведению и перестают учитывать интересы партнёров даже в той степени, которая была свойственна времени доминирования.

⁸ Keohane Robert O. *International Institutions: Two Approaches* // *International Studies Quarterly*, 1988. Vol. 32. № 4. P. 379–396. URL: <http://www.jstor.org/stable/2600589>.

Институты – наиболее значимое и знаковое порождение политики XX века, но их потенциал исчерпан. На всех уровнях они давно двигались к тому, чтобы снижать собственную ответственность перед своими участниками, стремясь в то же время сохранить контроль над их поведением. Это касается конкретных государств и обществ (например, в вопросах социального обеспечения или образования, «оптимизация» обязательств по которым стала аксиомой в последние сорок лет), но в неменьшей степени и мировой политики. Обеспечение интересов их участников давно не является основной задачей многих международных организаций. Оно всё активнее подменяется укреплением собственных бюрократических позиций и попытками создать условия, в которых поведение стран-членов было бы предсказуемым и управляемым вне зависимости от их реальных интересов.

Однако неисполнение обязанностей коллектива перед участниками ведёт к тому, что и те, в свою очередь, отказываются исполнять коллективные обязательства. Тем более когда диверсифицированная международная среда в сочетании с технологическими достижениями создаёт новые возможности. У государства сегодня есть набор альтернативных источников, из которых можно черпать ресурсы для развития и достижения внешнеполитических целей. Растущее многообразие выбора ставит под сомнение целесообразность жёстких союзнических связей или необходимость субординации. Это усугубляет ощущение хаоса.

Индивидуализм, рационализм и ответственность

Последние триста лет были периодом разбоя, но это совсем неплохо, так как разбой свидетельствует о свободе личности, а свобода всегда была высшим идеалом людей-кошек. (Примечание. Слово «свобода» в кошачьем языке не совпадает по своему значению с аналогичным китайским словом. Люди-кошки называют свободой насилие над другими, отказ от совместной деятельности, произвол...).

Лао Шэ. Записки о кошачьем городе

Но так ли всё это опасно, как говорят приверженцы прежних норм?

Международная политика прошла за 200 лет путь от жёсткого управления несколькими великими державами, власть которых была основана на грубом силовом подавлении остальных (европейские империи), через комбинированный мировой порядок после Второй мировой войны (сочетание гегемонии и демократических институтов). Новое устройство может быть демократией ответственных государств. Фрагментация, которую мы наблюдаем сейчас, является благом, а не предметом озабоченности. То, что все играют за себя, даёт надежду на более рациональное поведение с опорой на правильно понятые собственные интересы. Избежать монополии становится общей целью.

Поскольку гегемония исключена, а институты не действуют, то общие цели ставить невозможно. Зато есть пространство для решения частных проблем.

Традиционные подходы предусматривают порядок за счёт сравнительного единообразия. Однако в центре международной ситуации, которая возникает сейчас, – индивидуальность и свобода выбора каждого. Индивидуализм и рационализм – фундаментальные основы европейской политической философии – получают воплощение на уровне международных отношений. Индивидуальный выбор является рациональным. Выбор государством внешнеполитических решений свободен от накопленных обязательств и ограничений, не имеющих отношения к конкретному вопросу, о котором идёт речь. Рационально – реализовать свои интересы вне зависимости от заданных институциональных рамок, но не переходя грань, которая чревата конфликтом и угрожает выживанию. Как отмечал протестантский теолог Рейнхольд Нибуэр, «достижение согласия между собственными интересами и всеобщим благополучием должно рассматриваться как высшая форма добродетели в коллективной жизни людей»⁹.

Военные катастрофы первой половины прошлого столетия заставили людей и государства искать спасения в коллективах – институтах, за пределами которых был хаос. Институты стали шагом к более справедливому мировому порядку по сравнению с тем, который существовал до этого. Но в любых институтах ключевой оставалась категория власти, будь то доминирование США в рамках либерального мирового порядка либо система привилегий, которыми обладали сверхдержавы в холодную войну. Сейчас международное сообщество делает первые шаги к демократичности и многообразию. Невозможность единоличного или коллективного лидерства в новом мире сводит на нет институты в их классическом понимании. Человечество постепенно избавляется от диктата коллективного интереса (который с неизбежностью означает те или иные формы навязывания общих представлений) в пользу индивидуального разума. Коллективный интерес может объясняться по-разному, но он всегда основан на достижении максимальной выгоды каждым из участников и одновременно обезличен, в наименьшей степени подвержен влиянию категорий морали.

Возрастающая свобода индивида и государства в выборе решений, влияющих на его судьбу, – тоже преодоление наследия XX века. В поисках оптимального результата происходит эмансипация от стадного инстинкта и коллективного эгоизма – государства начинают вести себя более ответственно, поскольку им приходится соизмерять свои действия не только с желаниями, но и с возможностями и ограничителями. Об этом на исходе холодной войны писал в работе о морали во внешней политике дипломат Джордж Кеннан, указывая на «обязанность привести обязательства и начинания каждого в разумное соответствие с его возможностями действовать в международной среде»¹⁰.

⁹ *Cum. no: Reinhold Niebuhr on Politics: His Political Philosophy and Its Application to Our Age as Expressed in His Writings. Wipf and Stock, 2007.*

¹⁰ *Kennan George F. Morality and Foreign Policy // Foreign Affairs, 1985. Vol. 64. № 2.*

Практически во всём, кроме ядерного сдерживания, на смену тому порядку, что возник после Второй мировой войны, приходит новое состояние международной среды. Его основными чертами уже сейчас становятся не монополия, а конкуренция моделей развития, не доминирование одной державы, а борьба центров силы, не биполярность, которая сама по себе является формой монополии, а гибкая структура. Она допускает возникновение коалиций по интересам, но не в рамках блоковой дисциплины. Институты, основанные на балансе сил участников (и, как правило, предполагающие наличие сильнейшего), уступают место многостороннему сотрудничеству, в котором совокупные возможности менее значимы, чем способность оказать влияние по конкретному вопросу.

В последние годы звучит беспокойство кризисом многосторонности. Под ней привыкли понимать деятельность в рамках универсальных международных институтов на глобальном, общемировом уровне. Однако подобное понимание многостороннего сотрудничества весьма специфично и является продуктом уходящего международного устройства. Реальный многосторонний подход к конкретным проблемам подразумевает участие тех, кто непосредственно заинтересован в решении какого-то вопроса и способен оказывать влияние на этот процесс. Но он не предусматривает «нагрузку» в виде тех, кто участвует только «по статусу» или по той причине, что считает необходимым проявлять свою власть. Переход к такой схеме позволит более эффективно решать общие для всех насущные проблемы.

Корпорации как общее благо

Купцы сделали правителями, и правление обратилось в компанию на акциях. Исчезли все великие предприятия, которые не могли непосредственно принести какую-либо выгоду или которых цель неясно представлялась ограниченному, корыстному взгляду торговцев. Государственная проничательность, мудрое предведение, исправление нравов – всё, что не было направлено прямо к коммерческой цели, словом, что не могло приносить процентов, было названо – мечтами.

Владимир Одоевский. Город без имени

Индивидуализированный мир распадается на фрагменты? Это едва ли возможно по причине экономической, технологической и коммуникационной взаимосвязанности. Проводниками глобальности становятся транснациональные компании, её цементируют разные виды социальных сетей. Уже во второй половине XX века появилась точка зрения, что по мере развития транснациональные игроки будут оказывать корректирующее влияние на деятельность государств. В первом прочтении роль ТНК виделась упрощённо, и во всех крупных странах правительства смогли эффективно поставить их на контроль и на службу своим интересам. Но в описываемой нами утопии ТНК и технологии будут уравнивать стремление государств к обособлению, которое становится следствием неготовности отвечать на новые вызовы.

Ранее под «транснационализацией» фактически понималась «вестернизация», не в последнюю очередь благодаря тому, что управление ТНК происходило из западных офисов. В новом полицентричном мире, где явно повышается роль

Азии, можно ожидать, что транснационализация будет приобретать всё менее западный характер. Новая парадигма мировой экономической архитектуры – растущая роль крупнейших транснациональных компаний и их экосистем. В условиях ослабления многосторонних глобальных институтов, слабой координации и растущей конкуренции между региональными интеграционными проектами вакуум в глобальном управлении, вероятно, станет заполняться микроуровнем крупнейших мировых компаний.

Крупнейшие транснациональные компании обретут преимущество в развитии своих экосистем за счёт «регуляторного арбитража» в различных национальных юрисдикциях. С другой стороны, для крупнейших компаний растут риски конкуренции со стороны новых платформенных компаний, которые умеют более оперативно и гибко использовать учащающиеся сдвиги в структуре спроса потребителей. В таких условиях повышается роль меняющихся стратегических альянсов между ведущими ТНК и новыми динамичными платформенными компаниями.

Формирование «новых альянсов», куда станут вступать крупнейшие транснациональные компании, возможно, будет оказывать растущее давление на систему «старых альянсов» на уровне государств. Более того, на смену прежним платформам, построенным на территориальной основе, придут «новые платформы», основанные на альянсах корпоративных экосистем.

Корпоративные платформы способны с течением времени трансформироваться в универсальные экономические системы, предоставляющие перечень услуг, которые ранее концентрировались на национальном/государственном уровне. В частности, выпуск собственных криптовалют такими компаниями, как *Facebook*, может подрывать монополию центральных банков в области выпуска средств обращения и сбережения. В этих условиях фокус регуляторов будет смещаться в сторону анализа и контроля за формированием экосистем.

«Промышленная политика», направленная на создание национальных чемпионов для конкуренции в глобальном масштабе уступит место созданию условий для привлечения корпоративных платформ и их экосистем, созданию региональных и трансрегиональных платформ, конкурирующих в глобальном масштабе.

Распространение корпоративных платформ, в свою очередь, способствует росту взаимозависимости между государствами, однако, вероятно, также будет приводить к ослаблению многостороннего регулирования в рамках таких организаций, как ВТО и МВФ. Эти институты утрачивают значение, как и все остальные.

Предстоит задуматься о том, как переформатировать архитектуру глобального управления, чтобы учитывать факторы, связанные с развитием механизма корпоративных платформ и экосистем. Важным аспектом их конкуренции станет цифровой суверенитет: наряду с торговыми и инвестиционными альянсами между странами и регионами, начнут распространяться и наращивать влияние цифровые альянсы. Во многом именно они будут создавать условия для возвращения экосистемных чемпионов, способных успешно конкурировать на мировом рынке.

Мозаика будущего

Ведь, как всем известно, если хочешь быть счастлив и добродетелен, не обобщай, а держись узких частностей; общие идеи являются неизбежным интеллектуальным злом. Не философы, а собиратели марок и выпиливатели рамок составляют стеновой хребет общества.

Олдос Хаксли. О дивный новый мир

Из кусочков собирается новая реальность международной политики и мировой экономики. Да, в мире напряжённая обстановка, но некоторые коллизии уже несут в себе черты будущего – иная инфраструктура глобализации, укрепление разных центров силы, перегруппировка политических интересов и сфер влияния, большая самостоятельность и ответственность государств за свою судьбу, конкуренция технологических решений вместо единой платформы-монополии. Экологическая деградация и изменение климата – масштабные и опасные проблемы, которые содержат и разрушительное, и созидательное. Пока они провоцируют противоречия держав, однако без общих решений для них, как и для пандемий, человечество не обойдётся. Равно как и без гармонизации ценностных представлений, которая необходима, но более неравнозначна принятию какой-то универсальной мировоззренческой базы.

Этическое многообразие приходит на смену как борьбе двух или трёх доминирующих идеологий, так и универсалистской гомогенности. Естественно, такая переоценка ведёт к сопротивлению тех, кто привык считать свои ценности универсальными. Но важнее другое – удастся ли гармонизировать это многообразие, чтобы оно способствовало устойчивости международной системы, а не расшатывало её. Запрос на более моральную политику требует нахождения общего знаменателя различных этических систем.

В хаосе, о котором говорят все и о котором мы писали в нескольких предыдущих докладах Валдайского клуба, уже проступают черты будущего. И оно ближе к воображаемой утопии, чем то, что получилось бы в случае редактирования прежнего мирового порядка. Граница между утопией и антиутопией – это «доброе» или «злое» управление. Однако технологические достижения современности и обеспечиваемая ими индивидуальная свобода делают более сложным – практически невозможным – управление в традиционном понимании как таковое.

Международное управление, как мы его знаем, остаётся за пределами новой утопии: оно просто несбыточно при отсутствии возможности подчинять и при всеобщем индивидуализме. Но оно возродится в каком-то ином виде на основе новой рациональности, которую будут определять именно невозможность подчинять и индивидуализм. Мы вступаем в совсем другую эпоху.

Из интервью Эдварда Слоудена,

профессора кафедры
международной безопасности
трансамериканского университета
Reconstruccion (г. Каракас)

<...>

– В конце прошлого и в начале этого века большое распространение обрела концепция «конца истории», которая предполагала окончательное торжество либеральной модели организации общества и, как следствие, мира. Эта гипотеза не осуществилась, но сейчас, кажется, мы наблюдаем какой-то другой вариант финала эволюции: человечество достигло гармонии разумного эгоизма. Что дальше?

– Нет, конечно, никакого конца истории быть не может. Ни коммунистического, ни либерального, ни «разумно-эгоистического». Да, после десятилетий нервотрёпки нам удалось понять: мы и так живём в слишком опасном и хрупком мире, иррационально, если не сказать – безумно, множить риски ещё и собственным безрассудным поведением. Это огромное достижение человечества.

Честно скажу вам, двадцать пять лет назад, когда я находился в изгнании и не имел свободы передвижения, даже

в смелых фантазиях не представлял себе такого прогресса сознания. Но это же не состояние, не статус-кво. Это бесконечный и трудоёмкий процесс. Если хоть ненадолго прекратить усилия по поддержанию баланса во всех сферах – политической, экономической, социальной, технологической, – всё рухнет гораздо быстрее, чем люди могут вообразить.

И ещё важнейший момент. Мы смогли, если так можно сказать, обуздать политику. Но проблемы Земли, нашего общего места обитания, не только никуда не делись, их даже не удалось по-настоящему затормозить. Климатические изменения продолжают. Благополучие по-прежнему распределено крайне неравномерно, что закладывает потенциальную мину под всю благостную картину, которую вы нарисовали. Люди и теперь умирают от болезней, которые наверняка можно победить. Едва мы успеваем справиться с одними недугами, возникают новые. Так что покой нам только снится. Метафора избитая, но по-прежнему актуальная: мир и спокойствие на Земле – это велосипед. Крути педали, иначе упадёшь.

– Раз вы сами вспомнили о своём изгнании, разрешите личный вопрос. Ваша жизнь богата виражами. Вы много лет жили в ситуации нервного напряжения, прежде всего потому, что не знали, что будет с вами дальше. Скажите, профессор, был ли момент, когда вы, если так можно сказать, успокоились? Примирились с окружающей действительностью?

– Как ни странно, да, был. Как раз двадцать пять лет назад. Я перед этим долго пребывал в вынужденной изоляции, не мог перемещаться по миру, должен был смириться с тем, что мои личные возможности сильно ограничены. Конечно, это было тяжело. Но потом наступила весна 2020 года,

когда вспыхнула пандемия, парализовавшая нормальное функционирование жизни для миллиардов людей. И вдруг оказалось, что все попали примерно в ту же ситуацию, в которой я сам находился к тому моменту несколько лет.

Изоляция, замкнутость, невозможность вести привычную жизнь, страх за то, что впереди. И это в общемировом масштабе. Для большинства людей тот период стал потрясением. А для меня – моментом воссоединения с миром, если позволите. Только не я вернулся в него, а он пришёл ко мне. Ну а потом начались многообразные изменения, изменилась и моя жизнь. Но то чувство сопричастности я помню.

 ValdaiClubRu

 valdaiclub

 ValdaiClub

 valdaiclubcom

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ